

Кривичской была и территория верховьев Волги приблизительно до современного Зубцова. От верхневолжских озер граница шла к верховьям р. Ловати, а затем р. Великой. Кривичам принадлежали верховья Западной Двины. На западе владения кривичей вплотную соприкасались с землями латгалов, а к югу граничили с литвой. Район, располагавшийся еще южнее в бассейне верховьев Немана и составивший позднее так называемую Черную Русь с центром в Гродно, был объектом освоения кривичского населения, шедшего из района Полоцка. Любопытно, что в западных источниках вплоть до XIV в. Черная Русь иногда называлась «кривичской землей».

Очевидно, следует искать иное объяснение того, почему в «Повести временных лет» первоначальный термин «полочане» заменяется именем «кривичей». Это было связано с прокладкой торговых путей между Западной Европой и странами Востока. Экспансия Арабского халифата в VIII в. перерезала кратчайший путь по Средиземноморью между Западной Европой и Константинополем, являвшимся крупнейшим торговым центром. В поисках новых дорог взоры купцов обратились на восток Европы. Во второй половине VIII в. был открыт Волжский торговый путь. Но у этого маршрута, кроме чрезвычайной длины, имелся существенный недостаток: южную его часть контролировал Хазарский каганат, претендовавший на свою часть торговых пошлин.

На рубеже VIII–IX вв. был найден более короткий маршрут. Им стал путь «из варяг в греки». Помимо сокращения для купцов дороги в столицу Византии, он исключал из торговли посредническую роль хазар. Именно его с середины IX в. начинают контролировать варяги во главе с Рюриком.

Однако, позднее была обнаружена другая, более короткая дорога из северной Европы в Византию – из Рижского залива по Западной Двине, а затем волоком в Днепр в районе современного Смоленска. Судя по всему, это открытие пришлось на третью четверть IX в. Подтверждение этому находим в Никоновской летописи XVI в., сообщающей под 864 г. о попытке варягов Аскольда и Дира, захвативших Киев, поставить данный путь под свой контроль: «Того же лета воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша» [9, т. IX, с. 9]. Переход основного торгового потока с Волхова на Западную Двину грозил подорвать монополию Ладоги, контролировавшей как путь «из варяг в греки», так и Волжский путь.

Именно поэтому в 882 г. преемник Рюрика Олег предпринял все усилия, чтобы самому контролировать поток товаров через Восточную Европу. Поскольку без содействия княжеской власти транзитная торговля в тогдашних условиях была невыполнима, торговому значению Полоцка был нанесен серьезный удар. Как следствие этого, термин «полочане» начинает заменяться в Начальной летописи термином «кривичи».

1. Алексеев, Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев // Древняя Русь и славяне. – М., 1978.
2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1966.
3. Алексеев, Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1980.
4. Барсов, Н. П. Очерки русской исторической географии / Н. П. Барсов. – Варшава, 1885.
5. Голубовский, П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия / П. В. Голубовский. – Киев, 1895.
6. Горский, А. А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) / А. А. Горский // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. – М., 1995. – С. 50–63.
7. Довнар-Запольский, М. В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891.
8. Кузьмин, А. Г. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи / А. Г. Кузьмин // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 125–127.
9. Полное собрание русских летописей.
10. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.
11. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М., 1982.
12. Соловьева, Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) / Г. Ф. Соловьева // Советская археология. – 1956. – Вып. XXV. – С. 138–170.
13. Третьяков, П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – М., 1953.

Нагирный В. Н.

ОБ ОКРУЖЕНИИ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА: МИЛОСТНИК КОЧКАРЬ

В 1176 г. на киевском троне утвердился представитель черниговской ветви Рюриковичей – Святослав Всеволодович. Его правление в номинальной столице Руси продолжалось до 1194 г. и отмечено как активностью в отношениях с другими русскими княжествами, так и значительными успехами во внешней политике, в первую очередь, в борьбе с половцами. Но несмотря на достаточно долгое княжение Святослава, источники почти не сохранили данных о его ближайшем окружении. В целом на страницах летописей можно встретить упоминания только о двух таких лицах – воеводе Романе Нездидовиче [см. о нем: 21] и милостнике Кочкаре. Настоящая работа посвящена второму из них.

Приближенный киевского князя упомянут на страницах «Киевской летописи» только по имени, которое указано в датальном падеже: «Кочкаремъ» [6, стб. 614]. В именительном падеже оно, вне вся-

кого сомнения, должно было звучать как «Кочкарь» или «Кочкаръ». Попытка объяснить его этимологию сталкивается со значительными трудностями, вызванными тем, что указанный антропоним является единственным примером его использования на Руси. Неизвестен он был и в других славянских странах в этот период [2, с. 113–114; 4, с. 273; 22, с. 133; 24, с. 78]. Личностное обозначение «qoŕŕaq» («bagan») встречалось только у кочевников Северного Причерноморья [23, с. 42; 9, с. 82; 19, с. 294], а позже у крымских татар [7, с. 369]. Исходя из этого, корни анализируемого антропонима можно искать в тюркских языках, а также высказать осторожное предположение о тюркском (половецком?) происхождении Кочкаря. Учитывая активные контакты Руси с миром кочевников, такая возможность представляется вполне реалистичной. Тем более, что исследователям известны и другие примеры службы номадов русским князьям. Среди наиболее известных из них: Торчин, повар Глеба Владимировича [6, стб. 123; см. также: 11, с. 472]; Торчин, конюх Святополка Изяславовича [6, стб. 234, 235]; Торчин, приближенный Олега и Давида Святославовичей [6, стб. 249]; черниговский воевода Ольстин Олексичь [6, стб. 635–636, 638–640; см. также: 18, с. 291–292]; половец Актай, служащий у Даниила Романовича [20, с. 257] и др. С другой стороны, нельзя исключить возможности того, что личностное обозначение «Кочкарь» было прозвищем, происходящим от русских слов «кочь» (епанча) [12, стб. 1305], «кочка», «кочкарник» [3, с. 788]. В таком случае оно могло бы указывать на происхождение Кочкаря из среды ремесленников или на его определенные физические черты. Такая возможность, однако, представляется менее вероятной.

Отсутствие информации о патрониме Кочкаря не дает возможности проследить его родоход.

Кочкарь упомянут в «Киевской летописи» при описании достаточно нетипичной ситуации. В 1180 г. произошло очередное обострение отношений киевского князя со смоленскими Ростиславовичами. В самый разгар конфликта пути Святослава Всеволодовича и вышгородского князя Давида Ростиславовича случайно пересеклись во время охоты на берегах Днепра. Святослав решил воспользоваться моментом и схватить Давида. Согласно летописи, к такому шагу князя подтолкнули его жена и милостник Кочкарь: «сдоумавъ с кнѣгинею своею. и с Кочкаремъ. милостъникомъ своимъ. и не поведѣ сого моужемъ своимъ лѣпшимъ доумы своеѣ» [6, стб. 614–615]. Из дальнейшего описания следует, что поставленной цели достичь не удалось. В то время, когда воины Святослава были заняты пленением дружины вышгородского князя и разграблением его обоза, Давид вместе с женой «вбѣже в лодью» [6, стб. 615] и «прибѣже Бѣлоугороду к братоу» [6, стб. 616]. В результате Святославу не только не удалось реализовать свой план, но и пришлось на какое-то время оставить Киев и искать помощи у своих черниговских родственников [6, стб. 615].

В упомянутом выше летописном сообщении привлекают внимание два важных момента, которые позволяют прояснить функции и положение Кочкаря при дворе киевского князя.

Во-первых, Кочкарь назван «милостъникомъ» Святослава. Присутствие милостников на службе в Рюриковичей ранее зафиксировано летописями под 6644 (1136 /1137) и 6682 (1174 /1175) гг. В первом случае речь шла о окружении новгородского князя Святослава Ольговича [10, с. 24, 209], во втором – о милостниках владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича [10, с. 34]. Как отметил Измаил Срезневский, в дословном понимании «милостник» означал княжеского любимца [13, с. 138], но Михаил Тихомиров справедливо отметил, что под этим термином может скрываться более глубокий смысл. По его мнению, летописный «милостъник» – это человек, принадлежащий к категории слуг, используемых для обеспечения жизнедеятельности княжеского двора. Исследователь видел в них подобие западноевропейских министерялов, которые за свою службу получали не только кормление, но и земельные пожалования [15, с. 100–104; 14, с. 150–151].

Во-вторых, привлекает внимание тот факт, что Кочкарь был одним из главных советников киевского князя. Летописец прямо подчеркнул, что Святослав Всеволодович доверял ему больше, чем «моужемъ своимъ лѣпшимъ» [6, стб. 614] и что именно его совет склонил князя к попытке хитростью захватить Давида Ростиславовича. Такое доверие к Кочкарю может свидетельствовать о том, что последний уже долгое время находился в услужении Святослава, возможно еще со времен черниговского правления Всеволодовича, и имел значительное влияние на своего сюзерена.

Сопоставление перечисленных выше фактов позволяет считать, что Кочкарь принадлежал к категории княжеских слуг, но в то же время пользовался значительным доверием Святослава Всеволодовича. Его противопоставление старшей дружине Святослава киевским летописцем, а также отсутствие отчества, дают основания считать, что Кочкарь не происходил из боярского сословия. В связи с этим, бытующее в историографии предположение [16, с. 203; 5, с. XX; 8, с. 493] о принадлежности советника Святослава к черниговскому боярству представляется лишеным основания. Более вероятной можно считать возможность его происхождения из одного из тюркских племен, населяющих граничащие с Русью степи.

К сожалению, скудность источников не позволяет пролить свет на материальное положение Кочкаря или на его возможных потомков. Не представляется также возможным определить время его рождения и смерти.

С личностью «милостника» Святослава Всеволодовича в исторической науке связана интересная гипотеза о возможном участии Кочкаря в создании «Слова о полку Игореве» [1, с. 55, 65; 13, с. 155–175]. Но стоит подчеркнуть, что она лишена каких-либо серьезных аргументов, свидетельствующих в ее пользу.

1. Барон, Х. Вокруг „Слова о полку Игореве“: из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева / Х. Барон, Е. В. Душечкина // *Славяноведение*. – 2000. – № 4. – С. 50–78.
2. Гркович, М. Речник личних имена код Срба / М. Гркович. – Београд : Вук Караџић, 1977. – 328 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Ч. 2 : И–О. – Москва : Издательство общества любителей Российской словесности, 1865. – с. 629–1351.
4. Илчев, С. Речник на личните и фамилии имена у българите / С. Илчев. – София : Издателство на Българската Академия на науките, 1969. – 628 с.
5. Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи / подг. Л. Л. Муравьева, Л. Ф. Кузьмина // *Полное Собрание Русских Летописей*. – Т. 2. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – С. I–XXXIII.
6. Ипатьевская летопись // *Полное Собрание Русских Летописей*. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1908. – 938 с.
7. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // *Полное Собрание Русских Летописей*. – Т. 13: вторая половина. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1906. – 240 с.
8. Літопис руський / за ред. Л. Махновця. – Київ : Дніпро, 1989. – 590 с.
9. Марков, В. И. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. / В. И. Марков. – Санкт-Петербург : Евразия, 2016. – 382 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 659 с.
11. Повесть временных лет / подг. Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 670 с.
12. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. 1 : А–К. – Санкт-Петербург : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893. – 1420 с.
13. Срезневский, И. И., Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. 2 : Л–П. – Санкт-Петербург : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1902. – 1802 с.
14. Тарасов, С. Возможный автор “Слова о полку Игореве” / С. Тарасов // *Новый журнал*. – Вып. 39. – 1954. – С. 155–175.
15. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. – 475 с.
16. Тихомиров, М. Н., Условное феодальное держание на Руси XII в. / М. Н. Тихомиров // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия / редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 100–140.
17. Тупилов, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупилов. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 863 с.
18. Франчук, В. Ю. Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. / В. Ю. Франчук // *Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза : материалы конференции XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, 15–17 апреля 2015 г.* / редкол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2015. – С. 288–293.
19. Халимоненко, Г. І. Давньотюркські антропоніми в українських літописах X–XIII ст. / Г. І. Халимоненко // *Матеріали міжнародної наукової конференції “Спадщина Омеляна Прицака і сучасні гуманітарні науки”*, 28–30 травня 2008 р. – Київ : Аратта, 2009. – С. 282–295.
20. *Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów)* / wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. – Kraków ; Warszawa : Wydawnictwo Polskiej Akademii Umiejętności, 2017 (Seria: Monumenta Poloniae Historica. Series nova, t. 16).
21. Nagirnyy, V. Urzędnicy ziemi kijowskiej (druga połowa XI – pierwsza połowa XIII w.). Studium prozopograficzne / V. Nagirnyy. – Kraków : Historia Jagiellonica, 2021.
22. Pleskalová, J. Tvoření nejstarších českých osobních jmen / J. Pleskalová. – Brno : Masarykova univerzita, 1998. – 158 s.
23. Skulina, T. Staroruskie imiennictwo osobowe / T. Skulina. – Cz. 2. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich ; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. – 239 s.
24. Taszycki, W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe / W. Taszycki. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1925. – 124 s.

Долгов В. В.

СЕМИОТИКА ЧУДЕСНОГО В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Древнерусские тексты, посвященные описанию разных аспектов исторического процесса, весьма разнообразны. Это и летописи, описывающие события, произошедшие на Руси, и хронографы, в которых нашли отражение события мировой истории, и жития – истории жизни святых, и сами библейские тексты, в которых читатель находил описание событий истории священной. Академик Д. С. Лихачев считал историю как тему одной из отличительных признаков древнерусской литературы в целом [1, с. 11]. Этим качеством обусловлен целый ряд её специфических черт: отсутствие сознательного вымысла, неразвитость культа авторства, а также неустойчивость отдельных текстов при устойчивости литературно-исторической традиции.

При всем разнообразии исторических жанров, тексты могут рассматриваться как единое культурное явление: общего в них больше, чем различного. Летописный текст обнаруживает несомненное идейное и художественное родство с текстом агиографическим, тот, в свою очередь,